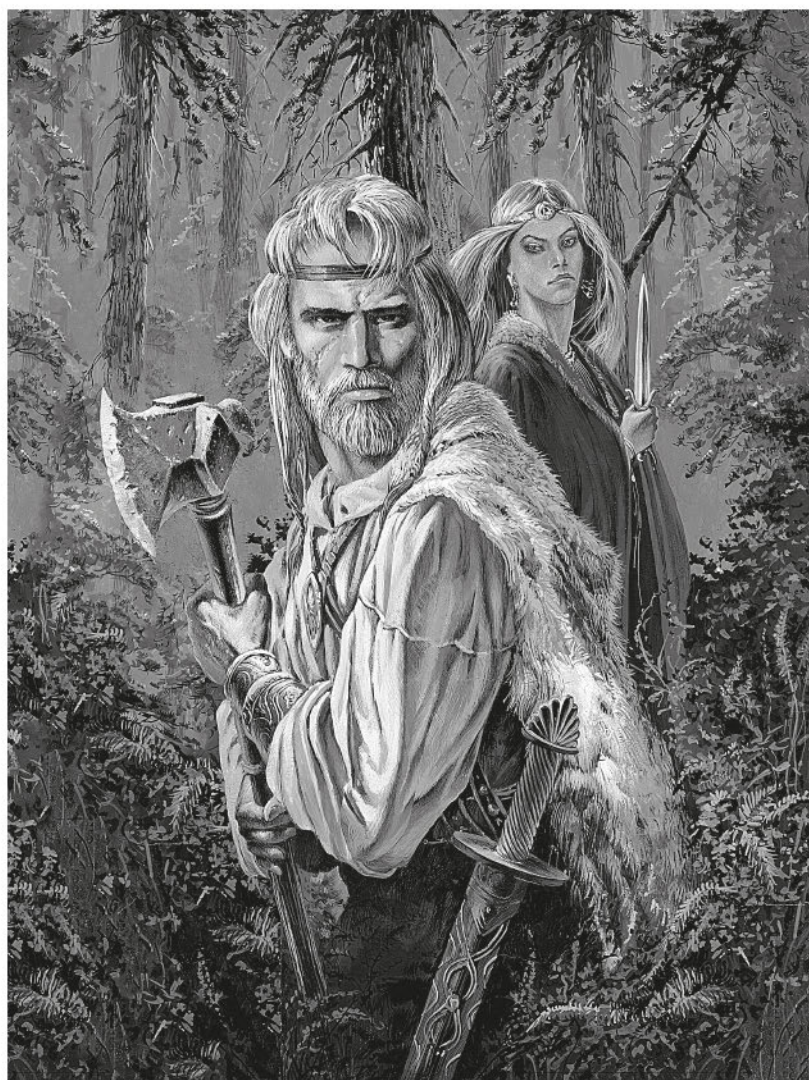

МАРИЯ
СЕМЁНОВА

ВОЛКОДЯВ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
С 30

Оформление обложки Егора Саламашенко

Карта выполнена Ириной Дудиной

В оформлении использованы иллюстрации
Павла Борозенца, Антона Ломаева, Сергея Шикина

Иллюстрация на обложке Павла Борозенца

- © М. В. Семёнова, 1995
- © М. В. Семёнова, Ю. А. Яковлева,
интервью, 2025
- © П. В. Борозенец, иллюстрации, 2025
- © А. Я. Ломаев, иллюстрации, 2025
- © Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-28935-2

СЛОВО АВТОРА

Друзья!

В далёком уже 1992 году, придумывая своего персонажа и весь его мир, я, по обычаю пишущих, то и дело «душила трагедиями» ни в чём не повинных родных.

— А вот герой, он... имени пока нет, но всё уже знаю... а ещё он...

Отец слушал с философским терпением, понимая: мне нужно просто выговориться. Вслух рассказать о придуманном — и самой обозреть сюжетные завихрения как бы с другой стороны.

Мама, наоборот, желала доподлинно выяснить, «где», «кто», «когда». Учёный-биолог, выросший на практически неразбавленном соцреализме, она не воспринимала слов «это фэнтези» и «вымышленный мир». Кризис разразился на самом главном вопросе:

— Почему он у тебя окает? Он что, вологодский?

— Мама. Там другая реальность. Я её придумала, чтобы...

— А-а, так на самом деле ЭТО ВСЁ ЧЕПУХА?

Мне оставалось только развести руками:

— Ну да... чепуха...

На дворе были лютые девяностые, семья элементарно хотела кушать. Я сидела над переводами какой-то импортной галиматии, из любви к искусству составляла энциклопедию «Мы — славяне!». Но и роман бродил в моей голове, как опара, рвущаяся из-под крышки.

Однажды я просто взяла ручку и написала: «Отгорел закат...»

Первая глава вылетела мгновенно. Герой открыл глаза, шевельнулся, начал свой путь...

Три года спустя книга вышла. Ни на что тогдашнее не похожая. Не заточенная под серии. Не лезущая в жанры. Но — вышла.

Чтобы хоть к чему-то её привязать, первое издание снабдили штампом: «русский Конан». Вот уж спасибо. Тридцать лет отплеваться от него не могу.

Да. Тридцать лет.

Ждала ли я, что «чепуха» обретёт такую долгую жизнь? Честно, вообще об этом не думала. Просто писала роман, который, уж извините за пафос, не написать не могла.

А ведь начиналась моя литературная биография с исторических романов о Руси IX века. Я всерьёз полагала, что так и буду их сочинять до конца своих дней, благо эта эпоха неисчерпаема, как и любая другая. Однако по мере изучения духовного мира предков делалось всё очевиднее: их реальность — то, какой они её видели, — весьма радикально отличалась от нашей. И привычные рамки жанра просто не позволяют раскрыть архаичное мировоззрение. То есть приблизиться к самому, на мой взгляд, важному и интересному. Ну вот напишу я, что Рюрик перед сражением увидел в тучах Перуна... и что? Тексту немедленно откажут в «историчности». И таки отказывали. Хотя Рюрик Перуна действительно видел...

Коли так, долой рамки, решила я. Пусть будет откровенное фэнтези. Зато мои персонажи станут жить по своей вере, и никто им не помешает. Заодно подтянем сравнительную этнографию, ярче проиллюстрируем менталитет всякими интересностями, почерпнутыми у ближних и дальних племён...

И ведь сработало.

Мой герой — сын народа, которого ни в одном атласе не найдёшь, но читатели его мгновенно признали «за своего». Даже усмотрели в нём лучшие черты именно славянской души: связь с родной землёй, несгибаемое упорство, доброту, спрятанную за суровостью, верность слову, готовность выручить слабого. Мне писали, что прочтение книги кому-то

СЛОВО АВТОРА

подсказывало жизненную стезю, наводило на размышления о национальных корнях...

Значит, всё было не зря.

И пусть мудрые критики продолжают называть фэнтези «чтивом для электрички».

Спасибо тебе, Волкодав.

Живи долго.

Помогай людям...

С уважением —

Мария Семёнова

Одинокaя птица над полем кружит.
Догоревшее солнце уходит с небес.
Если шкура серa и клыки что ножи,
Не чести меня волком, стремящимся в лес.

Лопoухий щенок любит вкус молока,
А не крови, бегущей из порванных жил.
Если вздыблена шерсть, если страшен оскaл,
Расспроси-кa сначала меня, как я жил.

Я в кромешной ноци, как в тряси́не, тонул,
Забывая, каков над землёй небосвод.
Там я собственной крови с избытком хлебнул —
До чужой лишь потом докатился черёд.

Я сидел на цепи и в капкан попадал,
Но к ярму привыкать не хотел и не мог.
И ошейника нет, чтобы я не сломал,
И цепи, чтобы мой задержала рывок.

Не бывает на свете тропы без конца
И следов, что навеки ушли в темноту.
И ещё не бывает, чтоб я стервеца
Не настиг на тропе и не взял на лету.

Я бояться отвык голубого клинка
И стрелы с тетивы за четыре шага.
Я боюсь одного — умереть до прыжка,
Не услышав, как лопнет хребет у врага.

Вот бы где-нибудь в доме светил огонёк,
Вот бы кто-нибудь ждал меня там, вдалеке...
Я бы спрятал клыки и улёгся у ног.
Я б тихонько притронулся к детской щеке.

Я бы верно служил, и хранил, и берёг —
Просто так, за любовь! — улыбнувшихся мне...
...Но не ждут, и по-прежнему путь одинок,
И охота завывать, вскинув морду к луне.

ЗАМОК ЛЮДОЕДА

Отгорел закат, и полная луна облила лес зеленоватым призрачным серебром. Человек по имени Волкодав шагал через лес — с холма на холм, без троп и дорог, широким шагом, размеренным и неутомимым. Он не прятался. Не хоронился за деревьями, не избегал освещённых прогалин, не пригибал головы, хотя босые ноги по давней привычке несли его вперёд совершенно бесшумно. Связанные тесёмками сапоги висели у него на плече. На другом плече, держась коготками, сидел пушистый большеухий чёрный зверёк. Когда Волкодав перепрыгивал через валежины или нырял под нависшую ветку, зверёк, чтобы сохранить равновесие, разворачивал крылья. Тогда делалось видно, что это летучая мышь и что одно крыло у неё разорвано почти пополам.

Волкодав помнил эти места наизусть, как свою собственную ладонь. Он знал, что доберётся до цели прежде, чем минует полночь. Копьё покачивалось в его руке, блестя в лунном луче. Короткое копье с прочным древком и широким, остро отточенным наконечником, снабжённым перекладиной, — на крупного зверя.

Останавливался он всего дважды. В первый раз — возле большой засохшей осины, что стояла у скрещения давно заброшенных лесных троп. Вытащив нож, Волкодав проколол себе палец и начертил на обнажённом, лишённом коры стволе священный Знак Огня — колесо с тремя спицами, загнутыми посолонь. Кровь казалась чёрной в холодном, мертвенном свете. Волкодав прижался к дереву обеими ладонями и лбом и постоял так некоторое время. Губы его беззвучно

шевелились, перечисляя какие-то имена. Потом он снял заплечный мешок, положил копьё и ссадил Нелетучего Мыша на гладкое древко, осторожно отцепив от своей рубахи его коготки. Зверёк, однако, расставаться с ним не пожелал: подпрыгнув, привычно вскарабкался по одежде на прежнее место и устроился на плече Волкодава, крепко ухватившись зубами за толстую льняную ткань — на тот случай, если человек вновь попробует его отодрать. Волкодав покосился на него и молча полез вверх.

Достигнув первой ветки, он повис на руках, потом стал раскачиваться. Скоро ветка затрещала и обломилась под его тяжестью. Волкодав со звериной ловкостью приземлился в мягкую лесную траву. Упёрся коленом и переломил ветку на несколько частей. Ему не было дела до посторонних ушей, способных услышать хруст. Вновь вытащив из ножен тяжёлый боевой нож, Волкодав принялся расщеплять обломки. Вышел изрядный пучок лучины. Каждую щепку Волкодав смочил кровью из пальца, потом убрал их в кошель на поясе. Поднялся, поклонился дереву и зашагал дальше.

Второй раз он остановился, когда с высокого, крутого холма перед ним открылась деревня. Взгляд Волкодава мгновенно отыскал один из домов под низко нахлобученной земляной крышей — и больше не покидал его. Посередине крыши, возле охлупня, светилось отверстие дымогона. Когда-то, очень давно, в этом доме жил мальчик из рода Серого Пса. Жил от самого рождения и до двенадцати лет. На двенадцатую весну мужи рода должны были отвести его в мужской дом для испытаний, назвать мужчиной и, сотворив обряды, наречь новым именем. Не младенческим домашним прозвищем, а настоящим именем, которое ни в коем случае нельзя открывать чужаку. Это имя будут знать только самые близкие люди. Да ещё жена, когда ему придёт время жениться. А прежде чем уводить его лесными тропами, собирались устроить пир, на котором должно было хватить места всем: и родне, и соседям, а может, даже и чужеземцам — сегванам кунса Винитария, поселившимся за поворотом реки...

Но именем мальчика так и не нарекли. Потому что в самый канун праздника наёмные воины кунса Винитария при-

стегнули мечи к поясам и напали на спящую деревню ночью, по-воровски. Как говорили, задуман был этот набег не ради пленников или наживы — ради захвата обжитых земель и устрашения окрестных племён. Явившись гостем, Винитарий устраивался в этих местах надолго...

Мальчик, сражавшийся как мужчина, остался в живых по дурной прихоти победителей. На него спустили собак, но злоющие кобели, сколько их ни натравливали, рвать его так и не стали: подбегали, сердобольно обнюхивали и отходили прочь... Потом было хуже. Восемь неудачных побегов, четыре рабских торга, досыта унижений. И наконец строптивый щенок Серого Пса угодил в Самоцветные горы, в страшный подземный рудник...

В доме раскрылась дверь. Острые глаза Волкодава различили девичий силуэт, мелькнувший на фоне освещённого прямоугольника. Притворив дверь, девушка пошла по тропинке к берегу реки — туда, где, несмотря на поздний час, вился дым над крышей кузницы и раздавался мерный стук молотка. Волкодав мог бы поклясться: девка несла ужин кузнецу, припозднившемуся с работой.

Точно так же, как его мать когда-то носила ужин отцу...

Что за люди жили теперь в его доме? К кому спешила девчонка — к родителю, брату, жениху?..

Волкодав вдруг сел наземь, обхватил руками колени и, содрогнувшись всем телом, опустил на них голову. Нелетучий Мышь подлез под руку человека и, дотянувшись, крохотным язычком лизнул его в щёку. Волкодав судорожно вздохнул, широкая ладонь накрыла зверька, глядя мягкую шёрстку. Потом он выпрямился. На залатанной коже штанов остались два мокрых пятна.

Поднявшись, Волкодав поправил за плечами мешок, взял копьё и зашагал вниз.

Кузнец только-только успел взять в руки корзинку, принесённую юной невестой, когда дверь вновь закрипела. Кузнец недоумённо обернулся, — кого принесло некстати? — увидел вошедшего... и вмиг подхватил молот, а невесту оттолкнул назад, загораживая собой.

Человеку, стоявшему на пороге, пришлось нагнуться в дверях. Густые русые волосы, изрядно подёрнутые сединой, падали ниже плеч, схваченные на лбу ремешком. На худом, обветренном, как еловая кора, лице недобро горели серо-зелёные глаза. Горели, как показалось кузнецу, адским огнём. Нос у человека был перебит, по левой щеке, от века до челюсти, пролёг шрам, прятанный нижним концом в бороде. Грабитель, насильник, убийца?.. Всё, что угодно.

Незванный гость обшарил кузницу взглядом, словно бы не сразу заметив парня и девушку. Однако потом его взгляд скользнул по вскинутому в защитном движении молоту кузнеца. Скользнул и вернулся. И каковы бы ни были первоначальные планы пришельца, он тотчас о них позабыл. Он медленно поднял руку и протянул её к молоту:

— Дай сюда.

Низкий, сдавленный голос мог вогнать в дрожь кого угодно. Как повёл бы себя кузнец, окажись они с Волкодавом один на один, неизвестно. Но за спиной у него всхлипывала от ужаса веснушчатая девчонка-невеста, и он только крепче перехватил дубовую рукоятку:

— Поди вон!

— Дай сюда, — повторил Волкодав на языке сегванов, не двигаясь с места. — Это не твоё.

— Поди по-доброму! — оправившись от первого испуга, огрызнулся кузнец.

Он ведь разглядел, что перед ним не кунсов подручный. И не наёмник из тех, что бродят из замка в замок, не брезгуя лёгкой добычей, когда та идёт в руки. К тому же ночной гость, судя по всему, был один, и кузнец, первый парень в деревне, несколько осмелел. Неужто не оборонит себя и подругу?

Но Волкодав шагнул вперёд, и кузнец полетел в сторону, так и не поняв, с какой стороны пришёлся удар. Девчонка вскрикнула, метнулась к нему и обняла в жалкой попытке отстоять любимого от расправы. Однако Волкодаву больше не было дела ни до девушки, ни до парня. Нагнувшись, поднял он молот, которым его отец столько лет ковал лемехи и серпы. На наковальне и теперь лежал недоделанный серп. Волкодав отодвинул его в сторону, положил на наковальню

своё копьё и примерился молотом к блестящему наконечнику. Он даже не оглянулся, когда кузнец зашевелился возле стены, а потом, цепляясь за руку невесты, выскочил наружу.

Спустя немного времени к кузнице с вилами и топорами собралась половина деревни. Не забыли и колдуна, прихватившего горшочек живых углей и пучок трав, любимых Богами, — изгонять злого духа, если незваный гость и вправду окажется таковым.

Ударов молота больше не было слышно, но незнакомец находился всё ещё там. За дверью негромко звякал металл, — похоже, он перебирал инструменты. Люди начали поглядывать друг на друга и на безобразно распухшую челюсть кузнеца: почему-то никому не хотелось входить в кузницу первым. Но тут дверь растворилась сама, и Волкодав встал на пороге — чёрный силуэт, охваченный сзади жаркими отсветами из горна. Луна, светившая сбоку, не озарила лица, лишь зажгла в глазах бледное пламя. Люди начали перешёптываться. Волкодав не спеша обвёл их взглядом и вдруг спросил по-сегвански:

— Кто живёт в замке за поворотом реки?

Иные позже клялись, что его голос порождал эхо. Несколько мгновений прошло в тишине, потом кто-то ответил:

— Благородный кунс Винитарий...

А из-за спин прозвучал озорной мальчишеский голос:

— Людоед!..

Ибо никакая сила не удержит дома мальчишек, когда отцы и братья бегут куда-то с оружием. И никакая сила не воспретит им лишний раз выкрикнуть прозвание грозного кунса, за которое, услышь только стражники, в лучшем случае ждала жестокая порка.

Огонь ярче прежнего вспыхнул за спиной Волкодава. Непроглядная тень шарахнулась по траве, глаза засветились. Люди подались ещё на шаг назад. Когда же Нелетучий Мышь забрался по волосам на голову Волкодаву, угрожающе развернул крылья и зашипел, деревня бросилась наутёк. Исчез даже колдун. Он был мудр и понял раньше других: против *этого* духа не помогут ни угли, ни священные травы.

После молодой кузнец всё-таки вернулся в опустевшую кузню, заново раздул горн и осмотрел своё имущество. Всё было на месте, кроме старого-престарого молота. Они долго гадали вместе с невестой, что бы это значило.

Кунс Винитарий появился у Серых Псов в конце лета. Он прибыл на потрёпанном боевом корабле и сошёл на берег во главе трёх десятков суровых, обветренных мореходов. Он рассказал Серым Псам, что пришёл с миром. Он искал новую родину для своего племени. На праотеческом острове делалось всё невозможнее жить из-за медленно расплывавшихся ледников.

Серых Псов не удивили подобные речи. Венны знали, что островным сезванам последние сто лет в самом деле приходилось несладко. Даром, что ли, они всё больше переселялись на материк. Горе, когда внуки селятся не там, где умерли деды! Посоветовавшись, Серые Псы указали светловолосому кунсу ничейные земли на том берегу Светыни. Страна веннов кончалась по сю сторону. А до страны сольвеннов на западе было ещё далеко.

Винитарий сердечно благодарил за ласку...

Откуда было знать Серым Псам, что островное племя давно уже прозвало своего заботливого вождя Людоедом...

Волкодав стоял в тени густых ив и смотрел через реку на замок, возвышавшийся над крутым, обрывистым берегом. Он хорошо видел комесов — дружинных воинов Людоеда, разгуливавших туда-сюда по бревенчатому забралу. Он знал: им его не разглядеть. Ещё он видел, что хозяин дома. Над остроконечной кровлей лениво трепыхался флаг. Тот самый флаг, что долгих одиннадцать лет снился ему во сне.

Сняв заплечный мешок, Волкодав опустил его наземь. Нелетучего Мыша при нём больше не было. Некоторое время назад Волкодав оставил его у входа в пещеру, где под потолком гнездились его соплеменники. Зверёк отчаянно верещал и пытался бежать за человеком, с которым привык чувствовать себя в безопасности, но Волкодав ушёл не оглядываясь. Может быть, Нелетучий Мышь и сейчас ещё полз по его следу, плача и путаясь в траве короткими лапками. Волкодав прогнал эту мысль прочь.

Порывшись в мешке, он вытащил лепёшку, размахнулся и забросил её далеко в воду. Если комесы заметят всплеск, пусть думают — рыба играет. В роду Серого Пса не было принято обижать Светынь, праматьер-реку, оставляя её без приношения. И уж в особенности когда затевалось что-нибудь важное. Стащив с плеч рубаху, Волкодав положил её поверх мешка и оставил лежать. Может, пригодится кому. Привязал своё копьё к запястью петлём, чтобы не потерялось. Без плеска вошёл в воду и нырнул прежде, чем его могли увидеть со стен.

Плыл он в основном под водой, лишь изредка поднимаясь к поверхности. Помогая ему, Светынь гнала мелкие волны: поди различи мелькнувшую голову среди ряби, в неверных бликах лунного света...

Вынужденный осторожничать, Волкодав плыл долго, но наконец высокий береговой обрыв укрыл его от глаз ночных сторожей. Тогда он вынырнул и бесшумно двинулся вдоль берега. В каждой крепости, стоящей близ озера или реки, непременно имеется потайной водовод. В ином случае крепость не обязательно и штурмовать. Достаточно осадить, и рано или поздно она падёт сама, не вытерпев жажды.

Волкодав знал, в каком месте под берегом находился водовод, тянувшийся внутрь замковых стен. Если человеку непременно нужно что-либо выведать, он это выведает. Дай только время.

Достигнув приметной каменной россыпи на берегу, Волкодав начал нырять и с пятой или шестой попытки нащупал устье подземного хода. Вынырнув, он глубоко вдохнул и выдохнул несколько раз. Потом снова наполнил лёгкие воздухом — и ушёл вниз.

«Мама, беги! — Серый Пёс двенадцати лет от роду подхватил с земли кем-то брошенную сулицу и кинулся наперерез молотому комесу, выскочившему из-за амбара. — Мама, беги!..»

Бывалый воин не глядя, небрежно отмахнулся окровавленным мечом. Однако молокосос оказался увёртлив. Меч свистнул над русой головой, не причинив вреда, мальчишка метнулся под руку

сегвана, и тонкое, острое жало сулицы воткнулось тому в лицо, как раз под бровь.

«Мама, беги...»

Когда его взяли, брат того комеса сам натравливал на мальчишку собак. И яростно спорил со своим вождём, но Винитарий остался твёрд и прикончить избитого пленника не позволил. На счастье, сказал он. На счастье.

Замок Людоеда строили толковые мастера. Нечего было и надеяться одолеть весь ход до конца, не встретив препоны. И точно, вскоре вытянутые руки Волкодава коснулись железной решётки, между прутьями которой не смог бы протиснуться человек. Волкодав подёргал их. Ни один прут не поддался. Тогда он наудачу обхватил ладонями средний, упёрся ногами и налёг что было силы. В руднике он вращал тяжёлый ворот, поднимавший воду из подземной реки. Предельное усилие мигом сожгло остатки воздуха в груди, но наконец прут поддался и со скрипом вышел из гнёзд — сперва одним концом, потом и обоими. Путь был расчищен, но Волкодав, повернувшись, рванулся назад, за новым глотком воздуха. В тоннеле вполне могли встретиться другие решётки или ещё что-нибудь не лучше. Стоило ли рисковать?

Отдышавшись, он снова нырнул и, миновав решётку, быстро и осторожно поплыл вперёд, обшаривая рукой каменный свод над головой. Оказавшись, по всем расчётам, внутри замковых стен, он стал ожидать появления впереди слабого пятнышка света, которое означало бы, что колодец недалеко. Замок был невелик, но пятнышко не появлялось. Волкодав не удержался от мысли о незадачливых мстителях, многие сотни которых в разные времена сложили головы кто за тридевять земель от цели, а кто и на самом пороге. Сколько их приходилось на каждого из тех, о чьей мести потом сложили легенды? А ведь всем небось думалось: ну уж нет, со мной-то этого не произойдёт, не имеет права произойти...

Лёгкие начали мучительно гореть. Волкодав понял, что не успеет вернуться назад, и решил: застряв здесь, его мёртвое тело, по крайней мере, отравит Людоеду колодец. Он ещё быстрее заработал ногами — не мог же этот тоннель, в самом

деле, тянуться бесконечно. Как вдруг, совершенно неожиданно, его рука пробила поверхность воды. Волкодав мгновенно отдернул её. Близость воздуха сделала удушье нестерпимым. Всё-таки Волкодав пересилил себя и медленно, очень медленно приподнял голову над водой.

Он хорошо видел в темноте. В руднике никто не заботился о том, чтобы у рабов было достаточно света. Он без труда различил каменные ступени и колесо с толстой заржавленной цепью, уходившей в какую-то трубу, и понял, куда его занесло.

Плох тот замок, из которого не предусмотрено тайного выхода, а лучше — нескольких. Цепь, намотанная на колесо, по всей видимости, поднимала решётку. А тоннель был как раз такой длины, чтобы выплыть, не задохшись, наружу. Значит, водовод мог служить и для отправки гонца, и для спасения драгоценной жизни хозяина. Занятно. И уж вряд ли о нём в замке знали все. Скорее, лишь самые приближённые.

Тоннель вёл дальше, теперь уже явно к колодцу, но Волкодав в него не полез. Гораздо больше шансов незаметно проникнуть в замок подземельями, чем через двор. Всякое подземелье когда-нибудь открывают. Не в эту ночь, так на следующую. Или через неделю. Он подождёт. Он умел ждать.

Выбравшись из воды, Волкодав тщательно отжал волосы и штаны, чтобы не выдать себя мокрыми следами или случайным шлёпаньем капель. Отвязал копьё от руки и двинулся вперёд по узкому каменному коридору.

Довольно скоро путь ему преградила тяжёлая дубовая дверь. Запертая. Ну конечно. Тайный лаз и должна отделять от остальных подвалов ничем не примечательная, но надёжная и постоянно запертая дверь. Если её не удастся открыть, придётся вернуться в тоннель и попробовать колодец. Так что лучше бы удалось.

Волкодав не обнаружил на двери ни ручки, ни скважины для ключа и не очень этому удивился. Ещё не хватало в суматохе поспешного бегства разыскивать запропастившийся ключ. Между прочим, это говорило ещё и о том, что дверей на его пути вряд ли окажется много.

Как же она открывается?

Толстые доски были прошиты множеством бронзовых заклёпок. Три из них при сильном нажатии чуть-чуть подались под пальцами. Волкодав прижался к двери ухом: всё тихо. Он начал нажимать заклёпки по очереди, в разном порядке. Ничего не происходило. Тогда он придавил две заклёпки руками, а третью — головой. Глубоко внутри стены тотчас зажурчала вода, наполнявшая какой-то сосуд. Дверь вздрогнула и поехала в сторону. Судя по всему, её не открывали очень, очень давно: раздался отвратительный визг. По мнению Волкодава, на этот звук должна была сбежаться половина комесов. Но когда он с копьём наготове выглянул в открывшийся коридор, там не было ни души. Лишь где-то за поворотом тускло чадил факел, вставленный в скобу на стене.

Дверь за спиной Волкодава начала закрываться. Тайный ход сам заботился о том, чтобы сохранить себя в тайне. Волкодав не стал тратить время на разгадывание заклёпок с другой стороны. Возвращаться не придётся.

Сперва он почувствовал запах. Так мог бы пахнуть мертвец, пролежавший десяток лет в могиле и притом одолеваемый болезнями и телесными нуждами. А раз так, заключил Волкодав, запах исходит от живого. Стало быть, за поворотом коридора находится, скорее всего, узник. И миновать его не удастся.

Какой-нибудь свихнувшийся в долгом заточении бедолага, который при виде неожиданного посетителя завопит так, что на его вопли уже точно сбежится стража, прохлопавшая скрежет двери...

Жизнь давно отучила Волкодава задумываться при виде подобных препятствий. Если сумасшедший откроет рот для крика, он оглушит его прежде, чем тот издаст хотя бы звук. А не будет другого выхода, так и проткнёт. Небось тот не много от этого потеряет. Волкодав шагнул за поворот.

Строитель, отменно позаботившийся о безопасности замка, почему-то забыл устроить в нём какие следует темницы и пыточные застенки. Похоже, Людоеду пришлось оборудо-

вать их уже потом, на скорую руку. У стены коридора стояла железная клетка, служившая, насколько можно было судить, и тем и другим. В клетке неподвижно лежал немислимо худой человек, закованный в цепи. Тёмные глаза смотрели прямо на Волкодава, и тот сразу понял, что перед ним был не сумасшедший. Неподалёку от клетки в стене коридора виднелась ещё одна дверь: следы в пыли говорили о том, что она ведёт наружу. Волкодав осторожно двинулся вперёд, мимо клетки, но тут узник заговорил.

— Уважаемый... — чуть слышно произнёс он по-сегвански, и Волкодав запоздало сообразил, что обитатель клетки слеп. Зрячий сразу смекнул бы, на каком языке к нему обращаться. — Мне кажется, ты прибыл снаружи, — продолжал узник. — Ты крадёшься, как кот, значит ты не гонец, которого ждал бы Винитарий. Скажи, юноша, какое время года теперь на земле?

— Весна, — неожиданно для себя ответил Волкодав.

Узник безошибочно распознал едва заметный акцент и перешёл на его родной язык, язык племени веннов.

— Весна... — повторил он и вздохнул. — Черёмуха цветёт, наверное.

Тело его было одной сплошной раной повсюду, где его не прикрывали вонючие тряпки. Усеянная язвами кожа туго обтягивала рёбра, чуть-чуть вздрагивая против того места, где полагалось быть сердцу. Он заговорил снова:

— Сделай мне ещё одно благодеяние, юноша. Прикончи меня. Это тебя не затруднит и не задержит...

Что ж, Волкодаву приходилось видеть искалеченных воинов, умолявших товарищей подарить им скорую смерть. Одного такого он два дня тащил на плечах, не слушая ни проклятий, ни просьб.

Он заметил, как что-то насторожило слепого, а в следующий миг и сам различил неторопливое шарканье башмаков. Потом в дверной замок с той стороны всунули ключ. Волкодав отступил обратно за угол ещё прежде, чем дверь начала открываться. Дальнейшее зависело от того, пожелает ли узник выдать его. Волкодав предпочёл бы до последнего не поднимать шума.

Семёнова М.

С 30 Волкодав : (К 30-летию первого издания) : роман / Мария Семёнова. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 624 с. — (Миры Марии Семёновой).

ISBN 978-5-389-28935-2

Он последний в роду Серых Псов. У него нет имени, только прозвище — Волкодав. У него нет будущего — только месья, к которой он шёл одиннадцать лет. Его род истреблён, в его доме давно поселились чужие. Он спел Песню Смерти, ведь дальше незачем жить.

Но солнце почему-то продолжает светить, и зеленеет лес, и несёт воды река, и чьи-то руки тянутся вслед, и шепчут слабые голоса: «Не бросай нас, Волкодав»...

Роман о молодом воине из рода Серых Псов увидел свет в 1995 году и с тех пор выдержал множество переизданий. Он открывает серию из шести книг, вышедших в Издательстве АЗБУКА. Сегодня это классика современного российского фэнтези.

В цикл «Волкодав и его мир» входит более двадцати произведений, в том числе ещё не завершённая пенталогия «Братья».

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА СЕМЁНОВА

ВОЛКОДАВ

(К 30-ЛЕТИЮ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ)

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Корректор Анна Быстрова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 05.09.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 38,22. Заказ № .

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01	Тел. (495) 933-76-01
Факс (495) 933-76-19	Факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-MSN-38847-01-R